

Продолжение. Начало — в № 19

ВРЕМЯ ФОРМИРОВАНИЯ марксизма является переломным во многих отношениях. Век, действительно, оказался вывихнут, и Маркс попытался его вправить; как — об этом позже, сначала — о вывихе, а точнее, о вывихах.

Время Маркса — это, во-первых, структурный кризис капитализма: переход от ранней стадии к зрелой, индустриальной: к концу 1840-х годов результаты индустриализации изменили даже ландшафт Великобритании и начали менять быт; в 1850-х годах индустриализация началась в наиболее развитых "неостровных" частях Запада — со всеми вытекающими социальными последствиями.

Во-вторых, по мере развития индустриализации, формирования наций и национальных государств "опасные классы" (полулюмпены-полупродпретариат) начали превращаться в пролетариат, т. е. в класс — рабочий — капиталистического общества. В условиях капитализма превращение рабочих в класс означает интеграцию в буржуазное общество главным образом на условиях его хозяев — интеграцию как на социальном, так и на национальном уровне.

Создаётся впечатление, что Маркс ошибочно отождествлял "рабочий класс" с "опасными классами". Последним, действительно, нечего терять, кроме своих целей. А вот "пролам" есть что терять, включая то национально-государственное образование, в которое их постепенно интегрируют и с которым они начинают себя идентифицировать. Крах II Интернационала продемонстрировал это со всей очевидностью: национальное в нём взяло верх над классовым, и для "исправления стиля" понадобилось создание III Интернационала — Коминтерна. Однако всего лишь через 10 лет после его создания выявились противоречия между этой наднациональной структурой и интересами СССР как специфического государственного образования. Кончилось это роспуском Коминтерна в 1943 г.

В-третьих, во второй половине 1840-х годов закончилась I волна кондратьевских циклов (1780-е—1844/1851 гг.), точнее, понижательная фаза I волны (1810/17—1844—1851 гг.) и стартовала повышательная фаза (1848—1873 гг.) II волны (1848—1896 гг.). Это время совпало с тем, что я называю "длинными пятидесятилетиями" XIX века (1848—1867/73 гг.), когда европейская мир-система превратилась в мировую капиталистическую систему (без дефиса), а Западная Европа — Великобритания (прежде всего) и Франция — стали превращаться в "коллективный Запад" как ядро этой системы. Мир-систем может быть несколько, а вот мировая капиталистическая система — одна. В XX веке возникла альтернативная мировая система во главе с СССР — антикапиталистическая, однако из-за шкурно-социальных (квазиклассовых) интересов номенклатуры она не смогла сменить "анти-" на "пост-" — иными словами, стать постакапитализмом, т. е. тем, что идеологически фиксировалось как коммунизм. Номенклатура выбрала застойный аттрактор и интеграцию в мировую капсистему, завершению этого процесса стали горбачёвщина и ельцинщина, но это отдельная тема. Здесь необходимо зафиксировать лишь то, что капиталистическая мировая система несовместима с мир-системами.

На момент окончательного превращения европейской мир-системы в мировую капиталистическую систему в мире сохранились две огромные зоны, обладавшие чертами и характеристиками мир-систем — Россия и Китай. Поэтому неудивительно почти хронологическое совпадение англо-французской агрессии против России (Крымская война 1853—1856 гг.) и Китая (Вторая опиумная война 1856—1860 гг.). Значительных геополитических целей в этих войнах Запад не достиг, а вот политико-экономические налицо: Россия и Китай утратили характеристики мир-систем и начали включаться в мировую капиталистическую систему (Китай, по крайней мере, его наиболее развитая, прибрежная часть, — в качестве полуколониально зависимой периферии, с Россией дело обстоит сложнее). Даже после Крымской войны она сохранила не только суверенитет, но и статус великой державы. В то же время начала расти зависимые страны от западного капитала, а сама Россия стала превращаться в "сырьевой придаток" Запада как ядра мировой капиталистической системы.

Крымская и Вторая опиумная войны — далеко не единственные события "длинных пятидесятилетий", ставших переломом и истории, и XIX века, и эпохи Модерна, и капитализма. Они начались революцией 1848 г. во Франции, которая затем перекинулась в другие страны "неостровного Запада" (Германию, Австро-Венгрию). За этим последовали инспирированные британцами бонапартистский переворот во Франции (1851 г.), восстание сипаев в Индии (1857 г.), война Австрии с Италией и Францией (1858—1859 гг.), объединение Италии (1859—1870 гг.); движение в Германии за её объединение (1862—1870 гг.); отмена крепостного состояния в России (1861 г.), Гражданская война в США (1861—1865 гг.); война Австрии и южно-германских государств с Пруссией и Италией (1866 г.); реставрация Мейдзи в Японии (1867—1868 гг.); Франко-прусская война (1870—1871 гг.); Парижская коммуна (1871 г.); образование Германской империи — Второго рейха (1870—1871 гг.); крах лондонской фондовой биржи и на-

(в гегелевском смысле "снятия" — Die Aufhebung).

Три указанных национально обусловленные формы знания были интеллектуальной реакцией конкретных, отдельно взятых стран/обществ на те проблемы, которые поставил перед ними капитализм. Синтезируя всё это в нечто единое, Маркс стремился создать общеевропейскую (по тем временам и в соответствии с распространёнными тогда взглядами — общемировую) теорию социально-исторического развития. При этом данная теория мыслится в качестве не просто альтернативной политэкономии или социологии, а альтернативной буржуазной науке формы организации социального знания, альтернативной обществоведческой науке. Другое дело, что реально получилось у Маркса, у предшественников марксистской традиции на Западе и в СССР, но это отдельная тема...

Синтетический-объединяющий (в отличие от характерных для консерватизма и тем более либерализма схем) характер

Превращение "европейской мир-экономики" в мировую капиталистическую экономику, выход Европы (Запада) в мир в качестве некой целостности — ядро этого мира, в которой, насколько это возможно, устраняются различия и снимаются противоречия между локально-национальными "частностями", включая традиции мысли, — по-видимому, всё это и нашло отражение в Марксовом опыте концентрации, синтеза, объединения "гипотезированных" частей в целостность. Трансформирующаяся в "Запад", в ядро мировой капиталистической системы Западная Европа (а не просто — Великобритания) превращалась в нового субъекта этой системы, субъекта мирового качества, который в противостоянии системе в целом и отдельным её элементам (зонам) в частности выступал как единый, цельный. По отношению к этой целостности различные локально-национальные традиции выступали в качестве лишь её аспектов, оставаясь внутри самой этой целостности, взятой не как мировой

с этой задачей вырабатывались определённые принципы, закладывались методологический фундамент, но построилось на этом фундаменте нечто другое, чем планировал исходно доктор Маркс. Ему не удалось создать то, к чему он стремился, хотя путём, который он планировал, но не прошёл, можно пройти — речь об этом пойдёт ниже. Логика идеологии и политических установок Маркса, а также общий дух эпохи обусловили деформацию и сужение теории Маркса, а также качественное изменение её содержания.

Поскольку социальная теория Маркса развивалась в русле его идеологии, в тесной связи с ней, в центре внимания Маркса оказался определённый исторический субъект — класс пролетариев, отрицавший, по мнению "герра доктора", буржуазное общество и его ценности — буржуазные, национальные, общечеловеческие. Так как главным было освобождение пролетариата именно как класса, т. е. коллективно, то сама логика идеологического дискурса и политической борьбы вела Маркса к максимальному вниманию к коллективному субъекту, а индивидуальная субъектность вытеснялась на задний план — и как менее важная и интересная, и как помеха "общему делу". Эта же логика вела Маркса ко всё большему пренебрежению индивидуальным субъектом, т. е. личностью, что неоднократно отмечалось исследователями, хотя далеко не всегда объяснялось адекватным образом. Трирець свёл личность к сово-

землённые на материальное. Это не плохо и не хорошо, это — реальность. Как заметил Джордж Оруэлл, если для американского социалиста-интеллигента социализм — это вопросы теории и ценностей, то для социалиста-рабочего — лишняя бутылка молока для ребёнка. Именно материальные ценности Маркс сделал центральными в своей идеологии (и теории), придав им статус коммунистических и проинтерпретировал таким образом. Получилось, что коммунистические, пролетарские ценности — это в значительной степени буржуазные ценности со знаком минус, сфокусированные на материальной сфере в самом узком смысле слова. В этом смысле есть резон в мысли, которую высказала автор очень женской и в целом слабой (но не такой слабой, как "Марксова религия революции" Гэри Норта, Екатеринбург, 1994) книги о Марксе Ф. Леви. По её мнению, в теории Маркса пролетариат оказывается отражённым, зеркальным образом буржуазии.

В центре исследования Маркса находилось капиталистическое общество, капиталистическое производство, в котором отдельный человек (рабочий, индивидуальный субъект труда) превращается функционально в элемент техники, объективных условий, становится орудием машины: не индивидуальный рабочий применяет условия труда, а, как писал Маркс, машинная система, "условия труда применяет рабочего". Реальным субъектом производства выступал совокупный рабочий (опять же, коллективный, а не индивидуальный субъект). Кроме того, поскольку при капитализме овеществлённый труд господствует над живым, внимание Маркса было сконцентрировано прежде всего на предметно-вещественных ("объективных") факторах и условиях производства. В результате в рамках и на языке своей политэкономии Маркс часто ставил и решал вопросы экономической теории капитализма, в которых он нередко бывал слабее профессиональных экономистов; к тому же иногда Маркс некритически заимствовал у либеральной социальной теории то, что не имело права на существование в его теории, противоречило её логике.

Но прежде, чем говорить о некритических заимствованиях, отмечу один факт. Интересно, что, разрабатывая проблематику капитализма, Маркс сконцентрировался на проблемах промышленного капитала, пренебрегая или оставляя на втором плане финансовый капитал. На первый взгляд это логично, поскольку в центре теории Маркса — производство, производительные силы. Однако при более пристальном взгляде, при анализе системы в целом выясняется, что почти весь XIX век финансовый капитал господствовал над промышленным, а во многих случаях — диктовал свою волю правительствам крупнейших европейских государств. В 1818 г. — том самом, когда родился Маркс, — Ротшильды впервые "нагнули" правительства Франции, Пруссии и Австро-Венгрии. На конгрессе в Аахене решался вопрос о том, что даст взаимны Франции 270 млн франков для погашения ею военного долга державам-победительницам. Вопрос считался практически решённым: это должен был быть банк либо Бэрингов, либо Уваров. Ротшильды пытались "перетянуть одеяло" на себя, однако им, ещё не умевшим в то время носить модную одежду, говорящим с еврейским акцентом, отказали в аудиенции и герцогу Ришелье, и Меттерних, и Харденберг. И вдруг 5 ноября 1818 г. начал падать ранее повышавшийся курс французских государственных облигаций займа 1817 г. Падение приобрело такую скорость, что в цене начали падать и другие облигации и ценные бумаги — обвал стал угрожать не только Парижской бирже, но и многим, если не всем, крупным биржам Европы. То была работа Ротшильдов: в течение нескольких недель они купили облигации конкурентов, а затем выбросили их по низкой цене — "нокаут"! Ришелье, Меттерних и Харденберг изменили своё отношение к Ротшильдам, начали их принимать, а между собой быстро договорились отказать Бэрингам и Уварам. В 1820—1860-е гг. европейский финансовый капитал, прежде всего Ротшильды, ещё более упрочил свои позиции в капитализме.

Маркс не мог этого не знать, как не мог не знать и того, что забастовки как форма классовой борьбы рабочих выгодны финансистам: они ослабляют промышленников и усиливают их зависимость от финансового капитала. Чем объяснить недостаточное внимание Маркса к финансовому капиталу? Тем, что он каким-то образом был связан с Ротшильдами — информация об этом циркулировала, однако вопрос нуждается в дополнительном исследовании. В конце концов, возможно, у Маркса были свои исследовательские предпочтения. Ну а теперь — к вопросу о некоторых некритических заимствованиях.

Окончание следует

КОНЕЦ «НАУКИ»

Как американский бизнесмен стал распорядителем русской науки

ПРЕКРАЩАЕТ существование знаменитое издательство "Наука", которому в 2018 году фактически исполнилось 290 лет. Предшественником издательства была Академическая типография в Петербурге, находившаяся на пересечении Девятой линии и Большого проспекта. В известном нам виде "Наука" — детище Сергея Вавилова, который совместил две задачи — выпускать книги учёных и книги для учёных. Понимая, что научное книгоиздание — вещь дорогая и трудная, Вавилов объединил торговую сеть, издательство и типографию. "Наука" подчинялась напрямую Академии наук; таким образом, Вавилов добился некоторой автономии, книги издательства не проходили Главлит.

Система оказалась очень жизнеспособной. В лихие девяностые издательство "Наука" практически не пострадало, только число магазинов заметно сократилось: из 152 "Академиков" осталось 9 (часть оказалась за границами РФ). Но и магазины, а, в первую очередь, типографии в Питере и Москве удержали издательство на плаву, в то время как не смогли пережить эти годы такие гиганты книгоиздания, как "Прогресс" и "Мир". Более того, "Наука" смогла пройти относительно без потерь и жесточайший кризис 2008 года, когда книжный рынок "просел" и многие ведущие издательства чудом избежали краха. В 2012-м у издательства с оборотом порядка 600 миллионов рублей к концу года долг равнялся миллиону — стандартный объём для больших организаций. Но за несколько лет долги "Науки" вырастают в сотни раз. Получается, что издательство открыто и целенаправленно ведут к банкротству.

Улица "ждёт" несколько сотен уникальных специалистов-редакторов. Да, кто-то из них перетечёт в иные издательства, кто-то просто уйдёт на пенсию. Но восстановить систему, заново собрать коллектив впоследствии будет невозможно. Не будем забывать и о том, что цикл производства книг "Науки" неизбежно продолжителен, некоторые проекты ведутся более десяти лет. Часть академического сообщества наивно уповает на "цифру", видимо, ориентируясь на мифы конца нулевых. Однако если ориентироваться на западный опыт, то только 30% рынка — это электронные книги, а 70% — бумажные. Фундаментальные издания наподобие отечественных "ЛитПамятников" доступны в "цифре", но и бумажные издания востребованы, их обязательно выпускают ведущие европейские издательства.

На месте типографии "Науки", вероятно, появится очередной бизнес-центр с ресторанами. А многолетняя история крупнейшего в мире научного издательства подходит к концу. И основной причиной тому не экономика, кризис или отсутствие читательского интереса, а желание вполне определённых людей защитить свой бизнес.

В 1992 году Академия наук озабочилась тем, что наших учёных плохо знают за рубежом, и откликнулась на интересное предложение американско-российского бизнесмена Александра (Алекса) Шусторовича. Господин Шусторович — фигура колоритная. Сын членора Академии наук, фигурант скандального "уранового дела", один из сынов бывших женихов Ксении Собчак. Даже фамилия встречается в

двух вариантах: "светский лев" Алекс Шусторович и успешный бизнесмен Александр Шусторович. К слову, в настоящее время въезд в Россию ему заказан.

Шусторович предлагает переводить журналы Академии наук и издавать их на Западе. Это и знаковые гуманитарные журналы вроде "Вопросы философии", "Русской литературы", и естественно-научные, всего АН принадлежит порядка 140 журналов. Разумеется, Шусторовича, в первую очередь, привлекают вторые: "Доклады Академии наук", "Журнал физической химии" и т. п., имеющие спрос за границей.

В 1993 году создаётся ООО "Международная академическая издательская компания (МАИК) "Наука/Интерпериодика", учредителями которой выступили ГУП "Академиздатцентр "Наука", РАН и компания Шусторовича Pleiades Publishing Inc. Академия наук входит в компанию с очень интересной формулировкой — "интеллектуальной собственности журналов", — оценённой аж в 14 тысяч рублей; вклад "Науки" — здания и сооружения. Соответственно, возникает подконтрольная Шусторовичу контора, которая работает на площадках "Науки". Академия наук со своей стороны приносит всё, что называлась, Шусторовичу, а Pleiades Publishing, обладая монопольным правом на продвижение всех российских академических журналов за границей, переводит и продаёт. Так, Шусторович заключает контракт с влиятельной немецко-американской компанией Springer Nature. Между прочим, западное издание российских академических журналов приносит ежегодный доход в 40 миллионов долларов. Основными покупателями являются ведущие западные университеты.

В 2014 году на сцене появляется Федеральное агентство научных организаций, которое забирает в своё ведение все "непрофильные активы": гаражи, детские сады, столовые и издательства. Почему-то ФАНО решило, что издательства — это не научная деятельность, а сервис. Впрочем, нельзя сказать, что и Академия наук как-то сражалась за "Науку".

В 2016 году руководство "Науки" начинает противоборство с МАИК с целью вернуть вы-

пуск журналов под свой контроль. В ответ Шусторович начинает враждовать с "Наукой", ещё больше вгоняя издательство в долги. С подачи руководства Академии наук вопрос издания журналов выносятся на конкурсы-аукционы. При этом "Наука" тоже должна участвовать в этих аукционах, хотя, во-первых, весь редакционный состав журналов входит в штат издательства, а, во-вторых, эта модель выходит за рамки закона, ибо участвовать в таких конкурсах могут организации, не имеющие задолженности перед государством (а "Наука" к тому моменту — в долгах как в шелках).

Идея очевидна — легально разобрать активы. Большую часть предложений "выигрывали" американцы, "Науке" предлагалось сидеть тихо и получать свой локальный гуманитарный кусок. Последнее руководство "Науки" отказывается играть по правилам Шусторовича. Поэтому он решает, что бизнес надо защитить. А защитить бизнес — значит закрыть его целиком. Шусторович заходит на аукционы через фиктивную фирму-посредника и выигрывает конкурс на издание 80% журналов. Отныне российские научные журналы по физике, химии, биологии, геологии будет издавать компания "Академкнига", но 100%-ным учредителем оной является Pleiades Publishing Inc. Дополнительно компания получает на издание журналов от государства 67,5 миллионов рублей. Получается, что на государственные деньги открыто частное окошко по приёму результатов научных исследований российских учёных. А книгоиздательская программа "Науки" в этой коммерческой истории становится просто лишней.

ЧЕРЕЗ СВОИХ посредников Алекс Шусторович делает российским учёным предложение, от которого они фактически не могут отказаться. Договоры о публикации в журналах отныне составлены таким образом, что статьи навсегда переходят в собственность компании Шусторовича.

Как раз в декабре прошлого года ФАНО принимает решение, по которому показателем отчётности за исследование, сделанное на госу-

дарственные деньги, является публикация в академическом журнале. А оценка труда российского учёного ныне напрямую зависит от так называемого индекса Хирша, который основан на количестве публикаций и количестве цитирований этих публикаций.

Как возникает сей пресловутый индекс? Например, можно выучить английский язык, накопить денег для взноса на участие в конференции, прочесть интересный доклад (и тебя позовут работать в Штаты или Англию). Но если ты не можешь ездить по конференциям или просто не хочешь уезжать из России — статью должен принять академический журнал, тогда есть шанс издаваться напрямую. Значит, надо всеми правдами и неправдами быть принятым и переведённым господином Шусторовичем. В этом случае индекс растёт как на дрожжах, потому что учёный попадает в единые базы, его цитируют. Получается, что Шусторович теперь ещё обладает и инструментом рейтингования учёных и влияет даже на то, какую зарплату Российская Федерация платит учёному.

Итак, Алекс Шусторович оказывается на позиции, которая позволяет контролировать российскую науку. Даже если предположить, что в его бизнес-интересах то, чтобы "курица" продолжала "нести яйца", сиречь, чтобы были исследования и результаты, — ситуация выглядит, мягко говоря, довольно странно. А если предположить, что господин Шусторович в той или иной степени несамостоятелен? Тогда все декларации о суверенитете нашей страны повисают в воздухе. Ведь учёный может заниматься совершенно абстрактными теориями, однако и эти исследования будут востребованы в военной сфере.

Для менеджмента бывшего ФАНО ликвидация "Науки" — хрестоматийный способ решения проблемы. РАН, в свою очередь, тоже не беспокоится, хладнокровно наблюдая за гибелью своего книгоиздания. А академическая наука в целом оказывается в руках американского бизнесмена, которому закрыт въезд в Российскую Федерацию.

Андрей СМЕРНОВ